

Сладкая фамилия

Я пребывал в полнейшем расстройстве. А как иначе? Прыгать, веселиться перед... перед увольнением? Даже страшно выговорить – увольнение! Не просто увольнение, в изгнание с позором, после которого меня ни одна солидная организация на работу не возьмет. На несолидную я сам не пойду.

И что было с моим слухом, с моей памятью, когда генеральный директор дал задание утрясти одно дельце. Что я должен сделать, я слышал, я помню, а вот кому вручить конвертик с конвертируемой валютой, я запамятовал. А если честно, то пропустил мимо ушей. Причина банальна: засмотрелся на фигуристую секретаршу, которая с независимым видом покидала начальственный кабинет. Она втиснулась между началом монолога босса и финалом. Никакой завязки его речь не имела. И зачем? Пришел туда-то, поднялся на второй этаж, нашел кабинет...

А дальше я отключился. Переспрашивать было стыдно и боязно. Понадеялся, что к вечеру вспомню. Не вспомнил. Остается пойти к гипнотизеру, который погрузит меня в транс, и я озвучу фамилию государственного мужа, способного урегулировать проблему нашей организации. Но тогда кроме босса, меня и инкогнито в тайну будет посвящен еще один человек. Этого я допустить не могу.

Рука, потянувшаяся к телефону, чтобы договориться о встрече с приятелем, имевшим обширные связи в разных кругах, вернулась на место – прилежно улеглась на моей другой руке, покоившейся на столе. Я походил на лже-прилежного ученика. Почему «лже»? Потому что был погружен в свои грустные мысли и делал вид, что слушаю своего коллегу, увлеченно рассказывающего о чем угодно, только не о служебных проблемах.

Из контекста я вырвал фразу «сладкая женщина». Сладкая, сладкая...

Точно! В фамилии всемогущего человека было что-то сладкое.

Сахаров! Я попробовал фамилию на вкус. Нет, не Сахаров. Производные от этой фамилии я тоже отверг. Интересоваться у коллеги его познаниями в сладких фамилиях я не решился: потянется череда ненужных вопросов. Придумать вескую причину я не смогу. Сообразительность тормозила стоявшее под дверью увольнение с позором. Как ты мог так подвести! Тебя выбрали из сотни претендентов, возложили на тебя ответственную миссию, а ты...

А за взяточничество статья имеется, - некстати подумал я. – Вот сейчас пойду к генеральному, верну конвертик и скажу: «Как вам не стыдно!» А он... не стушется, посмотрит на меня зверем и гаркнет: «Пошел вон!»

И куда я пойду? Где найду такую высокооплачиваемую работу?

Почему юрист солидной организации должен нарушать закон?!

Не нарушай. Тебя никто не заставляет.

Черт, как же его фамилия?

Что ж мне идти в госучреждение, подниматься на второй этаж, терпеливо обходить все кабинеты и спрашивать: «Господин хороший, не вы ли ожидаете материальную помощь от Петра Васильевича Гаврилова?» Нет, не так. Я скажу: «Петр Васильевич Гаврилов просил меня отдать вам должок. Сам он, видите ли, не смог самолично... Ах, вы такого не знаете! Извините».

Вдруг найдется любопытный, который давно мечтает сместить с должности человека со сладкой фамилией? Проследит за мной, а когда я отыщу его, он схватит меня за руку и обвинит более удачливого коллегу во взяточничестве. Поди, доказывай, что это возвращение долга. В любом случае у компетентных органов возникнет масса вопросов.

Так что же лучше: загреметь на скамью подсудимых или стать безнадежным безработным? Ни то, ни другое.

Как бы мне не претила эта миссия, я обязан ее выполнить.

- Иван, ты неважно выглядишь, - прорвался ко мне взволнованный голос моего коллеги.
- Голова болит, - увернулся я.
- Иди домой, я тебя прикрою.
- Пойду, пожалуй! – подхватился я, немного повеселев: надеялся, что дома мне родные стены помогут. Или моя дружная семья.
Всю дорогу я вспоминал сладкие фамилии.
Вареньев, Пластинкин, Мармеладов, Ирискин... Всё не то. Кажется. Нет, я уверен. Вареньев, будто бы тепло, но не горячо.
На пороге меня встретила жена Варвара.
- Почему так рано? – нахмурившись, спросила она.
- Голова болит.
- Тебя не уволили? – забеспокоилась супруга, оставив без внимания мое недомогание. Это меня разозлило.
- Пока нет! – с вызовом сказал я ей в отместку.
- Что значит, пока?
- Шутка!
- Шутник, ты ужинать будешь?
- Детей подожду. Скоро они вернуться? – голосом сверхзаботливого папаши, чего за мной никогда не замечала моя супруга, поинтересовался я. На моих чад – десяти и двенадцати лет – я возлагал большие надежды. Но просто так мучиться от ожидания не смог, решил привлечь супругу. – Варюша, - мягко обратился я к ней, - скажи мне какую-нибудь сладкую фамилию.
- Зачем?
- Мозги тренирую.
- Если тренируешь, сам и вспоминай! – резонно заметила Варька и с усмешкой добавила, - Чеховский последыш!
Я хотел ей объяснить трактовку слова «последыш», но не стал уходить от темы.
- Варь, ну, что тебе сложно?
- Шоколадов! – взвизгнула любительница шоколадных плиток. Покумекала и продолжила, - Карамелькин! – Теперь с презрением. – Пряников. – Посмаковала с улыбкой. – Печеньев, Желейкин... Достаточно?
- Медовый, - задумчиво пробасил я, игнорируя глупый вопрос.
В прихожую ворвались мои наследники. Наследники... Что они унаследуют, если их «папаша - олух царя небесного», как любит говаривать домохозяйка Варвара, когда я приношу получку. И не только в этом случае.
Сегодня я впервые убедился, что я олух.
- Во что играете? – спросил старший сын Федор.
- Вспоминаем сладкие фамилии! – азартно ответил я, помогая ему снимать тяжеленный рюкзак. Справившись с одним, переместился к другому.
- А тебе зачем? – без восторга поинтересовался мой младший отпрыск Макар. Ну, весь в мать!
- Я дал толчок, не желая пускаться в надоевшие объяснения.
- Киселев, Компотов, - тщательно проговорил я, судорожно прикладывая фамилии к устам босса. – Черт, все не то.
- Иван, при детях...
- Варя, не вмешивайся, ты свою лепту уже внесла.
- Я еще могу... Щербетов, Цукерман... Чего ты головой трясешь? Если пытаешься что-то вспомнить, так и скажи, а то... мозги тренирую, мозги тренирую...
- Одноклассник у меня был со сладкой фамилией. Видел его по телевизору. Большим человеком стал.

- Вот бы тебе к нему! – высказалась супруга, избавившись от недовольства. - Только не пойму, зачем фамилии перебирать?! Не легче ли открыть выпускной школьный альбом и найти его физиономию. Под ней должна быть фамилия.
- Его в альбоме не будет. Он... не доучился с нами, в другую школу перешел, - нашелся я. - И на других фотках, в начальной школе, его нет. Он позже пришел к нам.
- Позже пришел, раньше ушел! – взвилась супруга. – А нам что делать?
- Вспоминать.
- Пап, ты не переживай, вспомним, - успокоил меня Федор. А некомпанейский Макар отправился в свою комнату. – Сладкую, говоришь.. Коржиков, Пирожников, Тортов, Кексиков, - протараторил старший сын. – Подходит?
- Нет! – взвыл я.
- Пойдемте ужинать, - предложила Варвара, погруженная в мечты о прекрасном будущем. Я взглянул на кейс, в котором лежал конверт, схватил его, прижал к себе и направился в спальню. Прикрыл за собой дверь и спрятал чужие деньги в сейф. Сейф хоронился за портретом Варвары, выполненный ее давним поклонником, которого я настоятельно попросил... оставить девушку в покое. С тех самых пор соперник исчез, а я стал мужем милой Варюши... От бывшего кавалера остался портрет девушки, которую он якобы боготворил. Так всякий раз утверждала супруга, когда я «не оправдывал ее надежд».
- И почему художник оказался таким хлюпиком?
- Кстати, у него тоже была подходящая фамилия!
- Я стал терзать портрет. В нижнем углу стояла дата и заковыристая подпись. Даже заглавную букву не разобрать.
- Нет бы, четко и ясно написать! – тихо возмутился я. Сунул кейс под кровать и пошел на кухню, где меня поджидали домочадцы.
- Пончиков, - встретил меня Макар, решивший подключиться к всеобщему ажиотажу. Я покачал головой. – Тогда Лимонадов. – Я насупился, словно мой сын произнес уличное слово.
- Сиропкин, - поддержал брата Федор. – Джемов.
- Рахат Лукумов, - вставила Варвара и пояснила для бестолковых, - Рахат – имя, Лукумов – фамилия.
- Нет же, нет! Была русская фамилия.
- Патокин, - самозабвенно протянула жена, брякая сверху на картофельное пюре куриную котлету.
- Сидров, - сказал любитель сладких напитков Макар.
- Варя, а как...
- О ком ты хотел спросить? – поторопила меня супруга.
- Не хочу ей напоминать о художнике.
- Я хотел спросить о твоей подруге Милке. Кажется, ее второй муж был со сладкой фамилией.
- Не второй, а четвертый. Я тебе ее уже называла – Цукерман. Точно не подходит?
- Дети принялись повторять те фамилии, который я вспоминал еще в автомобиле по дороге домой.
- От громких голосов мне стало нехорошо. Я кое-как запихнул в себя пюре, отказался от моих любимых куриных котлет и пошлепал в спальню. Через пять минут в дверном проеме показалась голова Федора.
- Я Вальке Кузьмичеву звонил, он вспомнил Рафинадова и Чайковского.
- Уйди!
- Еще через пять минут в спальню зашмыгнула Варя с чашкой чая, в которой балансировал желтый кружок лимона.
- Выпей! – приказала она мне. – Сладкий чай питает мозг.

Я сверлил взглядом портрет жены.

- Если он тебя так раздражает, то я могу убрать, - впервые за все годы предложила супруга, перехватив мой взгляд.
- Бизейко! – заорал Макар, влетев в родительскую спальню.
- Суфлейкин! – присоединился к нему старший брат.
- Ликерченко, - промямлила озабоченная супруга.
- Буше, - извинительным тоном прогнусавил слегка простуженный Макар.
- Сникерсов! – подхватил Федор.
- Бизе, - вставила Варвара. – Композитор такой был. Музыка к опере «Кармен» написал.
- Всё! Не хочу больше ничего слушать! Будь что будет! Еще одна фамилия и я получу инфаркт! – взмолился я.
- Успокойся, милый, мы уходим, а ты отдыхай, - просюсюкала Варя.

Надо же, я сегодня стал милым. Оказывается, во всем есть свои плюсы.

Я лежал на спине, скрутив вокруг головы подушку, и пялился на портрет.

Ну, точно, у художника была сладкая фамилия. Я не ошибаюсь... Столько лет прошло, не мудрено, что я ее забыл. И зачем мне ее помнить?!

Так! Давай-ка восстановим в памяти день знакомства с соперником. Он приперся с дурацкими лютиками к Варьке, а там был я. Варька сказала: «Иван, познакомься, это...» Выхватила из его рук свой портрет и стала охать, ахать. А я тем временем выдал хлюпика на лестничную клетку и... пожелал всего наилучшего. С букетом пришел, с букетом ушел, больше я его никогда не видел. И не страдал по этому поводу...

Может быть, у Варьки спросить?

Не хочу заводить разговор о человеке, с которым «у нее жизнь сложилась бы иначе». В том смысле, что более счастливо. Видите ли, со мной она несчастлива!

Счастлива. И я с ней счастлив. Потому что мы по сей день мы любим друг друга. Но изредка встряхиваем. Не даем чувствам падать на глубокое дно. Я хожу на ежемесячные мальчишники, а Варька меня потом пилит, вспоминает своего художника, клянет день, когда мы познакомились, и, естественно, обзывает «олухом царя небесного». Дуется полдня, я умоляю меня простить, мы миримся, и уединяемся в спальне. И мне, и ей нужны землетрясения местного характера.

Что же делать с художником? Вспоминай, Ваня, вспоминай! Лютики помню отлично, его физиономию – не очень. Сладкую фамилию, вообще, не могу вспомнить... Она сказала: «Иван, познакомься, это...» Ну, хотя бы имя. Какое у него было имя? А имя у него было необычное. Фамилия обычная, а имя... Где-то я его слышал. Не на улице, и в кругу моих знакомых таких типов не было...

- А если бы мне сейчас пригрозили: «Не вспомнишь, тебе отрубят голову!» Тогда бы вспомнил, как миленький.

Иван, тебе сейчас...

Это имя произносил... Аркадий Райкин. Мы с мамой сидели на диване, смотрели по телику выступление Райкина и дико хохотали. Я был маленький, мало что понял из монолога, но мама смеялась, я ее поддерживал. Потому что мама постоянно болела и редко смеялась. Для меня ее смех был счастьем.

Райкин назвал это имя... Сигизмунд. Точно, Сигизмунд. Без сомнения, Сигизмунд.

Варя сказала: «Иван, познакомься, это Сигизмунд...» Ну! Вспоминай!

Иван, тебе сейчас.. Не сейчас, а завтра.

Еще раз. Значит, фамилия художника не гармонировала с именем. Сигизмунд...

Я перебрал в памяти все озвученные сегодня фамилии. Ни одна из них не клеилась к Сигизмунду. Редкое имечко, ничего не скажешь.

Фамилию художника я до этого уже слышал. Кому она принадлежала? И с чем ассоциировалась? С чем-то сладким. И это сладкое делала моя бабушка, которая

занималась моим воспитанием. Честно – баловала меня. Все лучшее доставалось мне. И красавица Варька должна была принадлежат мне, а не Сигизмунду... В... Еще чуть-чуть, еще капельку напрягись, Ваня!

Несколько часов назад я назвал фамилию Вареньев и заметил, что она созвучна с фамилией нужного мне человека со второго этажа. Джемов? Было! Повидлов? Не то! Созвучность не в принадлежности к сладким фруктовым варевам, а...

Слышал же ее, слышал! Если слышал, то кого ею назвали?

Я закрыл глаза, чтобы не видеть надоевший портрет, сбивающий меня с толку. И сразу перед глазами встала моя покойная мама. Она с укоризной смотрела на меня. Мама... Ее девичья фамилия была Варенникова. И бабушка была Варенникова. А я пытался вспомнить легендарную личность – генерала Варенникова. Почему он всплыл в моей памяти, поди, узнай!

А оказалось, не надо далеко ходить, глубоко копать. Нужные вещи часто лежат на поверхности, только надо уметь и желать их видеть. Как и приятные особенности человека, к которому ты привык.

Какое счастье, я вспомнил! Сигизмунд Варенников! Чем не сладкая фамилия! Бабушка лепила вареники с клубникой. Это было ее коронное блюдо.

И завтра надо посетить Варенникова. Как же его зовут? Имя и отчество у него незамысловатые... Надеюсь, что в нужном мне госучреждении будет один Варенников. На двери будет висеть табличка, а на ней черным по золоту написано - Варенников... Варенников... Сергей Кузьмич.

Я сам не поверил, что вспомнил то, чего, кажется, не слышал.

Иван, завтра тебе не отрубят голову.

Но оказаться на скамье подсудимых я не могу и не хочу.

Мне претит особое доверие генерального.

Поэтому завтра я верну ему конверт и напишу заявление на увольнение по собственному желанию.

Неужели классный юрист не найдет себе достойную работу?!

И зачем было так мучиться?!

Тренировка мозговой деятельности еще никому не вредила, - подумал я, - а то так и закинуть можно. И совершить ненужный шаг в ненужном направлении.

Ноябрь 2014г.